

**Заговоры, народная медицина и обряды
в ареальной проекции:
Белоруссия и русский северо-запад**

Агапкина Татьяна Алексеевна

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: agari-t@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8098-7471

Цитирование

Агапкина Т. А. Заговоры, народная медицина и обряды в ареальной проекции: Белоруссия и русский северо-запад // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 160–178. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

Статья поступила в редакцию 16.05.2024.

Рецензирование завершено 23.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые фольклорные и этнографические явления сквозь призму их географического распространения в европейской части Восточной Славии. Среди них: один из сюжетов заговоров от рожистого воспаления («Шел / был Христос / Богородица, нес / имел три розы, третья / все три погibli / завяли / упали и т. д.»), мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи, болезнь, называемая «крыльях», при которой у человека возникают неприятные и болезненные ощущения в лопатках, и практика ее лечения, а также троичные поминальные ритуалы «опахивания» (обметания) могил зеленью. Всех их объединяет тот факт, что эти явления известны в Белоруссии и на западе европейской России, откуда они, по всей видимости, распространились на русский северо-запад. Эти явления имеют разное происхождение. Сюжет заговоров от рожистого воспаления обнаруживается в германской, польской и балтийской традициях; наименование болезни *крылішча* объединяет белорусскую традицию с северо-западно-русской и латышской; мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи имеет скорее всего восточнославянское

происхождение, а практика троицкого поминального «опахивания» могил, вероятно, изначально была ограничена рамками новгородско-псковско-смоленского ареала. Статья снабжена четырьмя картами.

Ключевые слова

Заговоры, сюжет, ритуал, Восточная Славия, русский северо-запад, география культуры, картографирование.

Мне уже доводилось писать об особенностях распространения некоторых заговорных сюжетов и этнолингвистических явлений на восточнославянской территории. В частности, мое внимание прежде привлекали отдельные параллели к балканославянским заговорам, которые были обнаружены на Украине преимущественно по линии юго-запад – северо-восток: от Гуцульщины, Покутья и Буковины через Подолию и Поднепровье и далее – на Левобережную Украину, а оттуда вверх по Днепру вплоть до северо-восточной Белоруссии. Было установлено несколько подобных сходжений (Агапкина 2016; 2019; 2020), что навело на мысль об устойчивости такой картины распространения фольклорных сюжетов в Восточной Славии.

В этой совсем небольшой заметке речь пойдет об аналогичном явлении, а именно об устойчивом «рисунке» распределения ряда заговорных сюжетов и обрядовых практик на обширных территориях европейской части Восточной Славии, правда, преимущественно в более северных ее областях. Точкой отсчета будут западнорусские области и северо-восток Белоруссии, а регионами сопредельными, которые могут участвовать в формировании «рисунка» распространения того или иного явления, – прежде всего русский северо-запад и Белоруссия (как восток, так и запад), а также в значительно меньшей степени восток и центр Украины.

В статье рассматриваются четыре примера, специфичных с точки зрения предмета исследования (заговорная сюжетика, обрядовая терминология, ритуальная практика), его массовости / единичности, а также конкретных особенностей распространения на указанной территории. Сопоставление ареальных характеристик этих четырех явлений составляет цель работы и одновременно способ ее осуществления.

Первый пример касается заговорного сюжета, рассматриваемого в рамках определенной функции магических текстов. Речь идет о мотиве мифологического центра в заговорах от укуса змеи.

В свое время я посвятила этому мотиву большую статью (Агапкина 2013), поэтому сейчас сосредоточусь лишь на географии этого мотива в рамках обширного восточнославянского корпуса заговоров от змей. Мое внимание будет привлечено к территориям, соединяющим Белоруссию с западнорусскими областями и русским северо-западом.

Центральное место среди заговоров от укуса змеи занимают тексты, в основе которых лежит один общий для всех трех заговорных традиций (русской, белорусской и украинской) мотив – «обращение в мифологический центр», который известен на значительной территории Восточной Славии. Этот мотив соотносится с известной балтославянской мифологемой о небесном персонаже (Перуне, громовержце), преследующем своего хтонического противника.

Ниже проводятся несколько фрагментов соответствующих заговоров из названных регионов:

У синего моря стояла верба на семь кокотов, на семь воротов. На тых кокотах стояла тесовая кровать. На кровати – пуховые подушки. На тых пуховых подушках лежала гадина Марьяна. Гадина Марьяна, выйми свой тот зуб, которым укусила рабу Божию (имя), а не вый-мешь, я буду просить Бога. Бог тебя будет бить громом и тучею (Ершов, Логинов 2022: № 280, Карелия);

На море на Окияне, на камни на Латыри стоит дуб кроповой. Под этим дубом черное руно. На черном руне лежит Змей-скоробей. Змей-скоробей, унимай своих детей, ярых-перярых, черных и пестрых, водяных, соломенных, лесовых, полевых. Попрошу я Михаила-архандела, он выйдет на Оссионску гору, затрубит в трубу: «Я вас всех погублю!» (Власова 1972: 195, Новгородская обл.);

Стаіць дуб. У тым дубе гняздо з чыстае балады. У тым гняздзе тры лютых змяі: Гада, Нерада і Пелагея. Тры лютыя змяі падпечныя, качарэжныя, нізавыя, гнездавыя, палявыя, пажнявыя, лесавыя, не кусайце людзей, не пускайце яд. Не будзіце слухаць, будзе вас Шахайла-Архайла на белых камнях распінаць, шупшынаю драць, белымі камямі голавы разбіваць (Лопатин 2016: 84, Гомельская обл.).

Результаты картографирования рассматриваемого мотива представлены на карте 1, к которой необходимо сделать два уточнения. Во-первых, за рамками карты (не уместившись на ней) остались некоторые севернорусские свидетельства, относящиеся к побережью

Белого моря и Кольскому полуострову (Цейтлин 1912: 164; Заговоры из архивных источников: 23; РЗК: № 256). Во-вторых, благодаря кропотливой и систематической работе белорусских фольклористов записей с территории Белоруссии неизмеримо больше, нежели всех остальных, что скорее всего не совсем точно передает реальную картину плотности распространения мотива, хотя вряд ли искажает границы его бытования. При этом западнорусские области – Новгородчина и в особенности Псковщина – исследованы в фольклорно-этнографическом отношении явно недостаточно.

Что же касается результатов картографирования мотива мифологического центра в заговорах от укуса змей, то в целом эта карта такова: украинское Левобережье и Поднепровье, междуречье Припяти и Днепра и Нижняя Припять, белорусское Поднепровье, а также северо-восток Белоруссии, западнорусские области, а затем резкое сужение границ в их северной части с постепенным и порой прерывистым переходом к русскому северо-западу (Олонецкий край, Обонежье, вплоть до Белого моря).

Второй случай касается распространения в Восточной Славии известного мотива заговоров от рожистого воспаления «Шел / был Христос / Богородица, нес / имел три розы, третья / все три погибли (завяли, упали и т. д.)», см.:

Сам Иисус Христос шел через три чистых поля, нес три рожки. Одна рожка посохла, вторая повяла, третья совсем пропала. Пропадите, все эти рожки, все эти болезни, отними щипоту, лому к р.Б. и р. во веки веков (РЗК: № 270, Карелия);

Шёл Христос па дароги. Нёс три розы. Анна (одна) роза ссохла, другая свяла, третья без вести пропала (Валевская и др. 2002: 402, Псковская обл.);

Ишло тры рожы чэрэз тры палі: адна стала, другая спала, а трэцяя сама разышлася (Цяпкова 2015: 392, Витебская обл.).

Мне уже приходилось писать о самом сюжете подробно (Агапкина 2010: 416–419; Восточнославянские заговоры: 44), поэтому ограничимся наблюдениями над его географией. У восточных славян он фиксируется почти исключительно в восточных регионах Белоруссии – Гомельская (восточные районы), Могилевская, Витебская обл. и, как продолжение этой традиции, на Псковщине и у русских

старообрядцев в Литве, а также в Олонецком крае, в Калужской обл. и в некоторых других местах, см. карту 2.

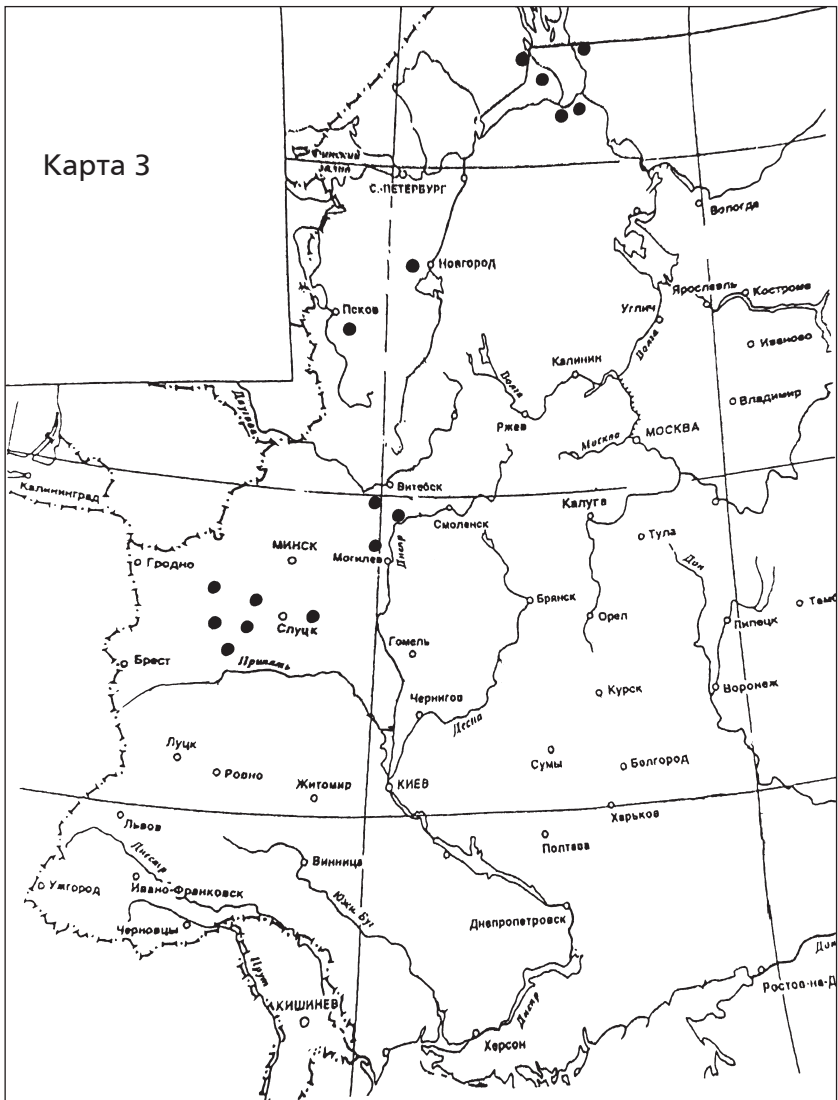
Сюжет, истоки которого обнаруживаются в европейской традиции, встречается в Польше, в том числе у поляков в Литве (Zowczak 1994: 19–20), и в Чехии, а также в германской традиции (о его немецких параллелях см.: Валодзіна 2023: 177–180), но при этом его, кажется, нет у словаков и в Карпатах, равно как и у балканских славян. Кроме того, мотив о трех розах в руках Христа часто встречается в Литве и Латвии (чаще, чем в Польше и Чехии), что и дало основание М. В. Завьяловой предположить, что в Литву он попал из Западной Европы именно через Латвию, а не через Польшу (Завьялова 2006: 209).

Таким образом, можно допустить, что в Восточную Славию мотив о трех розах в руках Христа или Богородицы (реже – других персонажей) проник через балтийские традиции, откуда распространился главным образом по восточной Белоруссии и уже оттуда точечно – по сопредельным западнорусским и северо-западно-русским регионам, где, впрочем, оказался на периферии заговорного репертуара.

Третий пример касается народномедицинской терминологии. Речь идет о болезни, при которой у человека возникают неприятные и болезненные ощущения в лопатках: на них может образовываться нечто наподобие горба, часто в виде небольших опухолей, болит кожа или внутри под ней; нестерпимо зудит и чешется между лопатками, где часто также появляются волоски, сыпь или прыщики. Симптоматика болезни весьма разнообразна, но то, что нас интересует, относится скорее к области ее названий от ⁺*крыл-*.

На западе Белоруссии (Брестская обл., Ляховичский р-н, Пинский р-н; Гродненская обл., Барановичский, Кореличский р-ны; Минская обл., Стародорожский, Копыльский р-ны), также в Ровенской обл. (Дубровицкий р-н), реже на востоке Белоруссии – на стыке восточнобелорусских и западнорусских областей (бывш. Могилевская, Витебская губ.) эта болезнь носит названия бел. *крылішча*, *крылыска* (Народная медицина: № 278–289), а также единично укр. ровен. *крыло* (Полесские заговоры: № 91). Эти названия встречаются как в народномедицинских описаниях болезни и способов ее лечения, так и в текстах заговоров, см. карту 3.

Под терминами *крылішча*, *крылыска* в Белоруссии понимается детская болезнь, и здесь преобладает практика бел. брест., гроднен. *сечь / высыкаць крылішча* (рассекая ножом связку куриных крыльев

и произнося при этом ритуальный диалог) (Народная медицина: № 279, 280, 282, 283), ср. укр. ровен. *крыло сечь* (Полесские заговоры: № 90), брест. пин. *выкачваць / выкатывать крылыска* (там же: № 91), см., например:

Вот ідзеш, дзе курнік, ды курыца пералеціць цераз тую жанчыну. На плячах тады крылішча ў рабёначка. Во так голаў угору закідае, і ня спіць, крычыць. З чорнай курыцы брала пер'е, толькі анно з чорнае. Вязала іх у пучкі. Вот у каго крылішча, прыносіць дзеткі. Кладзе на гэты бок парога, а сама на той бок. А тутака начоўкі. І бярэ яна сакеру, а дзіця пад начоўкі. Маладзіца стаіць на гэты бок парога, а мая мама – на той і тое пер'е сячэ. Тая маладзіца пытаецца: – Што ты сячэш? – Крылішчы. – Сячы, сячы. Каб не было. – Гэтак тры разы мама сячэ. Усё рабілася, каб сонейка заходзіла (Народная медицина: № 280).

По ряду признаков бел. *крылішча* отчасти аналогичны таким детским недугам, как рус. *щетинка* и бел. *шарсцінка*, также сопровождающимся дискомфортом в области лопаток (о последней см.: Валодзіна 2009: 214–216), а в качестве причины их появления у ребенка обычно указывают на то, что его мать, будучи беременной, переступала через какое-нибудь животное либо касалась его ногой.

На западе России (Псковская, Новгородская обл.) и на русском северо-западе (бывш. Олонецкая губ., Петрозаводский, Вытегорский, Пудожский уу.) это болезнь носит названия: рус. олон. *крылья, сухие крылья, крыльця* (СРНГ 43: 15), пск. *сухокрыловица* (СРНГ 43: 16), т. е. в составном наименовании появляется элемент «сухой». В целом из западнорусских областей народномедицинских сведений совсем мало. Можно лишь утверждать, что болезнь под соответствующими названиями поражает как детей, так и взрослых. В Новоржевском районе Псковской обл. зафиксирована *спиральца* (горб как последствие сглаза), которая составляет прямую параллель с *крылишчами* (Володина 2019: 360), ср. также: «Сухоспирица – это у маленьких спина болит; ребенка натирали, компрессы ставили: врачей-то не было» (СРНГ 43: 23, Новгородская обл.).

На русском северо-западе *крылья* – болезнь почти исключительно взрослых, поражающая не кожу, а легкие. Известно, что уже в 1352 г. «в Ладозе» свирепствовала легочная чума, протекавшая с острыми болями в спине под лопатками («межи крыла аки рогатиною ударит») (Мирский 2018: 265); это описание болезни вместо упоминания ее

названия явно указывает на типовое для народной медицины наименование болезней по месту их локализации на теле человека. В Вытегорском у. Олонецкой губ. *сухими крыльями* называли чахотку, воспаление легких или какие-то иные недуги, сопровождавшиеся покалыванием в легких и затрудненным дыханием (якобы потому, что *крылья* прорастают в мясо и колют легкие и грудину), при которых также рекомендовали *сломать сухие крылья*, т. е. щипать кожу на спине между лопаток (Минорский 1879: 247–248). В других местах того же уезда *крыльями* называлась «сильная боль в плечах, происходящая, как говорят, от застоя крови» (Ф...ов 1892: 400). *Крылья* лечат – «ломают»: «Больной ложится на лавку на брюхо, и опытная старуха сначала ощупывает спину между плечами и, если находит желваки (густо застоявшаяся кровь), то начинает их ломать, т. е. сильно нажимает это место руками, так что от каждого нажима непременно “рочконет” (хрухнет) в спине, и прижимает до тех пор, пока не прекратится под руками это “рочканье”» (Там же). «Ломота в крыльцах» (без специального названия) отмечалась и в сибирской народной медицине (Макаренко 1897: 80, Енисейская губ.).

В народномедицинской практике помимо «ломания крыльев» широко практиковалось и лечение заговорами – *крылья заговаривать*: «Выстала раба Божия Палага утром рано перекрестясь, благословясь <...>. И заговариват раба Божия Палага у рабе Божьей Марье сухие крылья, с тридевятъ костей и с тридевятъ мозгей» (Заговоры из архивных источников: 127, № 13, Петрозаводский у.); «Я, раба Божия, Н., зачерчиваю, заговариваю у раба Божия Н. крылья шеевыя, хребтовы, спиновы, что бы не болело, что бы не щемило, что бы отрыжки не было» (Кофырин 1900: 2, Пудожский у.).

Поскольку речь идет о болезнях, локализованных на спине, на лопатках или между ними, название вполне закономерно, учитывая соматическое значение слов на *крыл-*: рус. диал. *крыло*, *крыльце* ‘плоская плечевая кость человека, выступающая в верхней части спины; лопатка’ (смол., брян., орл., ворон., пск., СРНГ 15: 343); пск. ‘лопатка человека или животного’ (ПОС 16: 269, 273); о.-рус. ‘заплечье, лопатки’ (СРНГ 15: 346), а также смол. *крыло* ‘назади часть плеча’ (СОС: 363), ср. витеб. *крылица* ‘зуд мизу крыл’ (Никифоровский 1897: № 285), однако в других белорусских говорах (судя по известным мне словарям) значение ‘лопатка’ не зафиксировано.

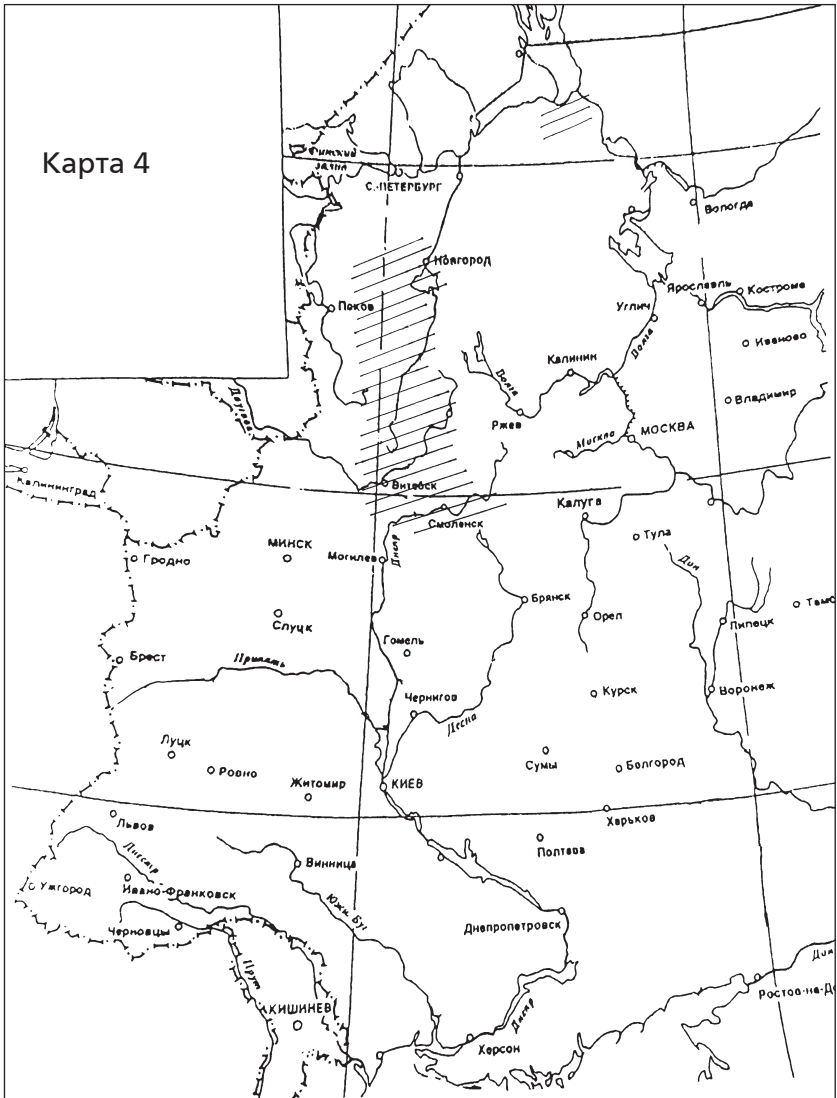
Рассмотренный пример демонстрирует следующую картину распространения явления: три его очага – брестско-гродненские, западнорусские и олонецкие территории – непосредственно друг

с другом не соприкасаются, и тем не менее сформированный эти-ми тремя очагами дискретный ареал связывает Белоруссию (и Латвию), русский запад и северо-запад. При этом остается до некоторой степени открытым вопрос о происхождении названий этих болезней, производных от **крыл-*, поскольку в большинстве белорусских говоров (в том числе брестских и гродненских) *крыло*, *крылля* как ‘лопатка, лопатки’ не зафиксированы, как нехарактерно это значение и для соответствующих слов в западнославянских языках (ЭССЯ 12: 152). По мнению Т. В. Володиной, белорусское название *крылішча* отражает мифологические представления о неполной социальности ребенка, выражающейся в его частичной волосатости, которая, в свою очередь, «перенята им от птиц, откуда и соответствующее название болезни» (Валодзіна 2009: 214–215). При этом она же считает, что, поскольку детская болезнь, имеющая сходные симптомы, названия и способы лечения, широко известна у латышей, ее белорусские и латышские варианты могут быть уцелевшими фрагментами некогда общеевропейского комплекса представлений (Валодзіна 2022: 173). На наш взгляд, поскольку географически псковская *сухокрыловица* и соответствующие латышские народно-медицинские практики расположены в непосредственной близости друг от друга, можно допустить также родство западнобелорусского, латышского и западнорусского названий болезни «крылья» и связанных с нею обычаев, с последующим распространением их на русском северо-западе.

И, наконец, **четвертый** пример – уже не из области народной медицины. Речь идет об особом ритуале в составе троичких поминовений усопших на кладбище, а именно опахивании и подметании могил преимущественно хвойными ветками. Он назывался *парить родителей*, *парить могилы*, *опахивать могилы*, *глаза опахивать* (витеб., смол., новг., пск., с.-петерб.). На Троицу или в троичскую субботу родственники умерших приносили на кладбище по березовой ветке или венику и подметали (*опахивали*, *парили*) ими могилы (Соколова 1979: 227; Агапкина 2002: 307), см.: «Бабы и девки собираются на кладбище после обедни, “опахивают” веником могилы родных и голосят по отце, матери или муже» (Лиль-Адам 1871: 75, Петербургская губ.).

В результате новгородской колонизации Русского Севера (северо-запада) западнорусский троичский ритуал опахивания могил распространился на территорию Олонецкой губ. Так, по записям священника А. Петропавловского, старообрядцы карельских уездов поминовение

Карта 4

по умершим совершают следующим образом: «Нанесут на кладбище пирогов, которые полагают на верхнюю часть могилы, а сами хвоиною *пахнут* по могиле, приговаривая: “Упокой, Господи, душу рабы (имярек)”» (Калашникова 2003: 189); см. карту 4.

Таким образом, этот ритуал сконцентрирован на западнорусско-восточнобелорусской территории и выходит за ее рамки лишь в направлении северо-запада.

* * *

Подводя некоторые итоги предпринятому картографированию отдельных фольклорных и этнографических явлений в европейской части Восточной Славии, можно констатировать существование сходных тенденций их распространения. Независимо от южных границ бытования упомянутых явлений, в целом они протягиваются с юга на север вдоль 30–35-го меридиана, захватывают Поднепровье и распространяются севернее, где оказываются на территории древнего расселения кривичей и новгородских словен. Создается впечатление, что многие явления восточнославянской традиционной культуры попадали в довольно узкое горлышко этих западнорусских территорий, и уже через него, вероятно в ходе новгородской колонизации, оказывались на русском северо-западе, почти исключительно в Олонецком крае, заметно затухая по мере миграции на север.

При этом происхождение самих этих явлений могло быть самым разным: мотив заговоров от рожистого воспаления «Шел Христос / Богородица, имел три розы...» обнаруживается в европейской, в частности в германской, польской и балтийской, традиции; наименование болезни *крылішча* и под. и связанные с ней магические практики объединяют белорусскую традицию с северо-западно-русской и латышской; мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи имеет скорее всего восточнославянское происхождение, а практика троицкого поминального «опахивания» могил, вероятно, изначально была ограничена рамками новгородско-псковско-смоленского ареала.

Источники и литература

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М.: Древлехранилище, 2013. С. 434–465.

Агапкина Т. А. Карпато-южнославянские параллели в области вербальной магии и их продолжение у восточных славян // Славяноведение. 2016. № 6. С. 3–13.

Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 10–38.

Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 225–244. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01.

Валевская Е. А., Королькова И. В., Лобкова Г. В., Мехнецов А. М., Мехнецова К. А. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиц. материалов: в 2 т. Т. 1. Псков: Псковский государственный областной Центр народного творчества, 2002. 686 с.

Валодзіна Т. Нямецкія лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі. Мінск: Беларуская навука, 2023. 344 с.

Валодзіна Т. В. Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск: Тэхналогія, 2009. 432 с.

Валодзіна Т. Латышскія і беларускія лекавыя замовы у пошуках паралеляў. II // In the Shadow of Others: Belarusian-Latvian Relations from the Past to Nowadays / eds. M. Jankowiak, K. Kascian. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2022. P. 171–184.

Власова З. И. К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. 13. С. 194–201.

Володина Т. В. Русские заговоры в коллекции Литературного музея Эстонии // Рябининские чтения – 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 360–362.

Восточнославянские заговоры – Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Анно-

тированная библиография / авт.-сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.

Завьялова М. В. Балто-славянский заговорный текст. Лингвистический анализ и модель мира. М.: Наука, 2006. 563 с.

Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в.: в 2 т. Т. 2 / изд. подг. А. Б. Ипполитова и А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2024. 536 с. DOI: 10.31168/91674-722-5.

Ершов В. П., Логинов К. К. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ВЕРСО, 2022. 217 с.

Калашиникова Р. Б. Священник Александр Петропавловский – бытописатель карельских приходов Олонецкой губернии сер. XIX в. // Православие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Издательство КарНЦ РАН, 2003. 450 с.

Кожырин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // Олонецкие губ. ведомости. 1900. Часть неофициальная. № 114. С. 2 (10).

Лиль-Адам В. де. Деревня Княжая Гора и ее окрестности // Зап. РГО по Отделению этнографии. 1871. Т. 4. С. 235–366.

Лопатин Г. Заговоры Ветковского района Гомельской области // Palaeoslavica. 2016. XXIV. № 1. С. 79–189.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Уржумской волости Ачинского округа Енисейской губернии // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57–100.

Минорский П. А. Народное здоровье и народное лечение (Этнографические наблюдения в Вытегорском уезде) // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2, № 7. С. 232–257.

Мирский М. Б. Медицина Древней Руси. М.: Родина, 2018. 416 с.

Народная медыцына – Народная медыцына. Рытуальна-магічная практыка / уклад., прадм. і паказ. Т. В. Валодзінай; навук. рэд. А. С. Ліс. Мінск: Беларуская навука, 2007. 744 с.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суевежные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская Типо-литография, 1897. 344 с.

Полесские заговоры – Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост., подготовка текстов и примеч. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2003. 752 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Наука, 1967–. Вып. 1–.

РЗК – Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2000. 276 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СОС – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.

Ф...ов К. Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простого народа в Вытегорском уезде. (Воспоминания из поездки на родину) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 38. С. 399–400.

Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье // Изв. Архангел. о-ва изучения Рус. Севера. 1912. № 1. С. 8–16; № 4. С. 156–165.

Цяпкова Т. З пскоўскіх сшыткаў // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследваньні. Мінск: Беларуская навука, 2015. Вып. 2. С. 456–497.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Zowczak M. Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny // Literatura ludowa. 1994. N 4/6. S. 3–33.

References

Agapkina, T. A. “Karpato-iuzhnoslavianskie paralleli v oblasti verbal'noi magii i ikh prodolzhenie u vostochnykh slavian.” *Slavianovedenie*, 2016, No 6, pp. 3–13.

Agapkina, T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendariia. Vesenne-letnii tsikl*. Moscow: Indrik, 2002, 816 p.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal'noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian.” *Slavianskie arkhaischeskie arealy v prostranstve Evropy*. Moscow: Indrik, 2019, pp. 10–38.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal'noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian: «zhitiinyi» tekst kak zagovor.” *Slavianskii al'manakh*, 2020, No 3–4, pp. 225–244. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01.

Agapkina, T. A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik, 2010, 824 p.

Agapkina, T. A. “Vostochnoslavianskie zagovory ot ukusa zmei: temy i siuzhety, lokal'nye osobennosti i slavianskie paralleli.” *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istorii slavistiki / XV Mezhdunarodnyi s'ezd sla-*

vistov. (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). *Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, pp. 434–465.

Ershov, V. P., Loginov, K. K. *Potaennyi fol'klor Karelii i sopredel'nykh oblastei*. Petrozavodsk: VERSO, 2022, 217 p.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.

Kalashnikova, R. B. “Sviashchennik Aleksandr Petropavlovskii – bytopisatel' karel'skikh prikhodov Olonetskoj gubernii ser. XIX v.” *Pravoslavie v Karelii (Materialy 2-i mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posviashchennoj 775-letiiu kreshcheniia karelov)*, otv. red. V. M. Pivoev. Petrozavodsk: Izdatel'stvo KarNTs RAN, 2003, 450 p.

Lopatin, G. “Zagovory Vetkovskogo raiona Gomel'skoi oblasti.” *Palaeoslavica*, 2016, XXIV, No 1, pp. 79–189.

Mirskii, M. B. *Medsicina Drevnei Rusi*. Moscow: Rodina, 2018, 416 p.

Narodnaia medytyna. Rytual'na-magichnaia praktyka, ed. by T. V. Valodzina, A. S. Lis. Minsk: Belarускаia navuka, 2007, 744 p.

Polesskie zagovory (v zapisiakh 1970–1990-kh gg.), ed. by T. A. Agapkina, E. E. Levkivskaia, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2003, 752 p.

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi. Leningrad: Nauka, 1967–, vols. 1–.

Russkie zagovory Karelii, ed. by T. S. Kurets. Petrozavodsk: Izd-vo PGU, 2000, 276 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Sokolova, V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukrainsev i belorusetov. XIX – nachalo XX v.* Moscow: Nauka, 1979, 287 p.

Tsiapkova, T. “Z pskoŭskikh sshytkaŭ.” *Belaruskii fal'klor. Materyialy i dasledyvanni*. Minsk: Belarускаia navuka, 2015, vol. 2, pp. 456–497.

Valevskaia, E. A., Korol'kova, I. V., Lobkova, G. V., Mekhnetsov, A. M., Mekhnetsova, K. A. *Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoi oblasti: obzor ekspedits. materialov*: in 2 vols. Vol. 1. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi oblastnoi Tsentр narodnogo tvorchestva, 2002, 686 p.

Valodzina, T. “Latyshskii i belaruskii lekavyia zamovy u poshukakh paraleliaŭ. II.” *In the Shadow of Others: Belarusian-Latvian Relations from the Past to Nowadays*, eds. by M. Jankowiak, K. Kascian. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2022, pp. 171–184.

Valodzina, T. *Niametskiia lekavyia zamovy: grupy, matyvy, belaruskiiia paraleli*. Minsk: Belarускаia navuka, 2023, 344 p.

Valodzina, T. V. *Tsela chalaveka. Slova, mif, rytual*. Minsk: Tekhnalogiia, 2009, 432 p.

Vlasova, Z. I. “K izucheniiu poetiki ustnykh zagovorov.” *Russkii fol'klor*. Leningrad: Nauka, 1972, vol. 13, pp. 194–201.

Volodina, T. V. “Russkie zagovory v kollekcii Literaturnogo muzeia Estonii.” *Riabininskie chteniia – 2019: materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii traditsionnoi kultury Russkogo Severa*. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2019, pp. 360–362.

Vostochnoslavianskie zagovory: Materialy k funktsional'nomu ukazateliiu siuzhetov i motivov. Annotirovannaia bibliografiia, compl. by T. A. Agapkina, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2014, 320 p.

Zagovory iz arkhivnykh istochnikov XVIII – pervoi treti XX v. In 2 vols. Vol. 2, ed. by A. B. Ippolitova, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2024, 536 p. DOI: 10.31168/91674-722-5.

Zav'ialova, M. V. *Balto-slavianskii zagovornyi tekst. Lingvisticheskii analiz i model' mira*. Moscow: Nauka, 2006, 563 p.

Zowczak, M. “Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny.” *Literatura ludowa*, 1994, no 4/6, pp. 3–33.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

T. A. Agapkina

**Incantations, Traditional Medicine and Rituals in Areal Aspect:
Belarus and the Russian Northwest**

Tatiana A. Agapkina

Doctor of Letters, principal research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: agapi-t@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8098-7471

Citation

Agapkina T. A. Incantations, Traditional Medicine and Rituals in Areal Aspect: Belarus and the Russian Northwest // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 160–178 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

Received: 16.05.2024.

Revised: 23.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article examines some folklore and ethnographic phenomena through the prism of their geographical distribution in the European part of Eastern Slavia. Among them there are: one of the plots of the incantations against erysipelas (“There was Christ / the Virgin Mary, carried / had three roses, the third / all three died / withered / fell, etc.”), the motif of the mythological center in the incantations against snake bite, diseases called “wings” in which a person experiences unpleasant and painful sensations in the shoulder blades, and the practice of their treatment, as well as Trinity memorial rituals of graves “plowing” (sweeping) with greenery. They are all united by the fact that these phenomena are known in Belarus and in the west of European Russia, from where they spread to the Russian Northwest. These phenomena have different origins. The plot of incantations against erysipelas is found in German, Polish and Baltic traditions; the name of the disease *krilishchcha* unites the Belarusian tradition with the northwestern Russian and Latvian; the motif of the mythological center in incantations against snake bites is most likely of East Slavic origin, and the practice of Trinity memorial “plowing” of graves was probably initially limited to the Novgorod-Pskov-Smolensk area. The article is provided with 4 maps.

Keywords

Incantations, plot, Eastern Slavia, Russian Northwest, ritual, cultural geography, mapping.